

Глава 9

Семья Ли дала им свежего риса — зёрнышко к зёрнышку, белое и чистое. Тем утром Вэй Чэн пустил в дело почти половину запаса, и из котелка вышло четыре щедрых порции каши. По миске они съели на завтрак, а остальное юноша решил приберечь на вечер.

Зимой в деревне Маоси крестьяне обычно «котовали» — отсиживались в тепле, а потому ели всего дважды в день: поздний завтрак и ранний ужин. К такому распорядку привыкали быстро, и организм не бунтовал, но Вэй Чэн всё никак не мог понять, из каких краёв явился к нему Горшочек и к чему тот привык. Поэтому в полдень он испёк для малыша в золе небольшую картофелину.

Кожица у запечённого плода вышла хрустящей и зажаристой; стоило её поддеть, как под ней обнаружилась нежная мякоть медового цвета. Картошка была такой мягкой, рассыпчатой и сладкой, что Горшочек на время перестал липнуть к брату и лепетать своё бесконечное «братик, братик», сосредоточенно работая маленьким ротиком.

Малыш чинно сидел на краю кана, измазав крошечные ручки и личико в саже, но даже не замечал этого. Он лишь забавно болтал ножками, наблюдая, как Вэй Чэн подкидывает дрова, разбирает нехитрый скарб, принесённый от Вэев, и принимается варить целебный отвар.

Накануне в сумерках многое пришлось свалить в угол как попало, и теперь юноша наводил порядок. Лекарство, что выписал ему Травник Ци, ещё оставалось — три аккуратных бумажных пакетика. Хоть рана на голове больше не ныла и слабость отступила, он твёрдо решил допить снадобье до конца.

Закончив с делами, он обернулся и увидел, что Горшочек окончательно превратился в чумазого котёнка. Заметив взгляд брата, малыш смешно склонил голову набок и расплылся в улыбке, выставив напоказ ряд мелких молочных зубов.

Вэй Чэн невольно рассмеялся и, взяв влажную тряпицу, подошёл к нему.

— Посмотри, в кого ты превратился. А ну-ка, подними личико.

Горшочек послушно задрал подбородок, зажмурил свои огромные глазки и растопырив грязные ладошки, точно его заговорили. В этот миг он был так мил и беззащитен, что походил на пушистого лесного зверька, какого порой держат в деревенских домах.

Юноша касался его очень осторожно. Кожа у найдёныша была нежной, к тому же на морозе щёчки обветрились и покраснели.

— Не больно? — негромко спросил он, смягчая движения.

— Не-а, — послушно отозвался Горшочек.

— Вот заработаем серебра, и я куплю тебе душистую мазь. Будешь мазать щёчки, и они больше не будут болеть и шелушиться.

Вэй Чэн хорошо помнил, как отец, возвращаясь с добычей из города, привозил Цинь-ши баночки с притираниями, ароматное масло для волос или резные деревянные шпильки. Когда он сам, будучи ребёнком, целыми днями пропадал на морозе, его лицо тоже горело огнём. Цинь-ши тогда, закончив мазать своё лицо, иногда касалась его щёк остатками крема на ладонях. В его памяти это случилось лишь однажды, но у Вэй Чэна была цепкая память, и он помнил всё до мельчайших подробностей.

Малыш снова заболтал ножками:

— Хорошо-хорошо! Хочу пахнуть вкусно!

А затем он с воодушевлением спросил:

— Братик, а когда мы пойдём на гору?

— Когда стемнеет. К тому же у тебя нет тёплой одежды, мне нужно что-нибудь придумать.

В кармане у него лежало всего двадцать медных монет. Травник Ци и Мо-фулан буквально силой заставили Вэев отдать эти деньги, сославшись на его слабость. На эти гроши можно было купить шесть яиц или полфунта свинины, но их не хватило бы даже на малую долю хлопка, который стоил тридцать пять монет, не говоря уже о грубом полотне ценой почти в полторы сотни за отрез.

Снова беспокоить Мо-фулана он не хотел. Тот и так отдал им старые валенки и не взял денег за снадобье — они и без того задолжали этой доброй семье.

Вэй Чэн решил, что, как только допьёт лекарство, спустится в деревню и разыщет Ма Доумяо.

Горшочек, наевшись картошки, вскоре разомлел. Немного поиграв со своим маленьким глиняным горшочком и что-то пробормотав себе под нос, он затих. Когда Вэй Чэн заглянул на лежанку, малыш уже свернулся клубочком, подложив одну ручку под голову, а другой крепко обнимая своё сокровище.

Юноша тихонько поправил его, укрыл одеялом по самые плечи и осторожно высвободил затекшую ладошку из-под головы. Если проспит так долго, рука онемееет, и малец наверняка поднимет рёв, едва проснувшись.

Выйдя из мазанки, Вэй Чэн задвинул засов и быстрым шагом направился вниз по склону.

Вскоре со стороны реки, что текла неподалёку от дома Травника Ци, донеслись звонкие крики и смех. Присмотревшись, мальчик увидел Ма Доумяо, Цюаньцзы и Фан Вэня. Вместе с другими деревенскими ребятами они азартно хлестали волчки на льду. Ма Доумяо, видимо, пришёл позже всех и просто стоял в сторонке, наблюдая за игрой.

— Брат Чэн!

Стоило Вэй Чэну подойти ближе, как Ма Доумяо во всю глотку заорал его имя и со всех ног бросился навстречу.

— Брат Чэн! Я как раз собирался к тебе на гору идти! Давай с нами в волчки играть!

— Доумяо...

Цюаньцзы покосился на недовольное лицо Фан Вэня и выкрикнул:

— Ты играть-то будешь или нет? Если нет, мы уходим!

Ма Доумяо, парень бесхитростный, растерянно моргнул:

— А? Буду, конечно! Но тут ведь брат Чэн пришёл, давайте вместе? Вы что, уходите? Мы же только собирались помериться силами!

— У нас уже полный набор, — подал голос Фан Вэнь. Он успел пару лет поучиться грамоте и умел подбирать слова поизящнее. — Вэй Чэну всё равно придётся ждать очереди. Да и холод собачий, одежда на нём тонковата, чего парню мёрзнуть? Пусть лучше в свою лачугу возвращается.

Вообще-то, порядочные ученики даже на каникулах должны были каждую свободную минуту отдавать книгам. Но Фан Вэнь с самого начала праздников носился по деревне с пацанами. Кто знает, действительно ли он грыз гранит науки или просто пускал пыль в глаза?

Вэй Чэн ответил спокойно:

— Я не играть пришёл. Мне нужно поговорить с Доумяо.

Крепыш тут же развернулся к приятелям:

— Тогда я тоже не играю!

— Ма Доумяо, ты... — Цюаньцзы проводил их взглядом, чувствуя, как внутри закипает досада.

Все знали, что в семье Ма кормят лучше всего, и каждый хотел «дружить» с недалёким Доумяо. Но этот упрямец почему-то вечно лип к нищему Вэй Чэну, который к тому же в последнее время притягивал одни неудачи! Просто зло берёт!

Когда они отошли подальше от ребятни, приятель с нетерпением спросил:

— Брат Чэн, о чём ты хотел поговорить?

— У вас дома нет лишней стёганки? — спросил Вэй Чэн. — Одолжи на пару дней, я заплачу за прокат.

Он раскрыл ладонь, в которой были зажаты шесть медных монет.

Поймает он золотышей или нет, попробовать стоило. Даже если шесть монет пропадут зря, это лучше, чем оставлять Горшочка одного в тёмной лачуге. В деревне хватало людей с дурными помыслами. А если кто-нибудь проберётся в дом и украдёт малыша? Эта ветхая дверь не выдержит и одного крепкого удара взрослого мужчины.

— Брат Чэн, ты чего? Не надо мне никаких денег!

Доумяо оттолкнул его руку и почесал затылок:

— Кажется, у матушки в сундуке лежала моя детская куртка. Ткань там добрая — родственники из города прислали. Матушка всё жалела её перешивать или вату вытаскивать, говорила — побережёт для будущих детей.

Хлопок стоил дорого, и в деревне многие обходились без тёплой одежды, не говоря уже о запасном комплекте. Но Батюшка Доумяо был известным мясником, а Матушка Доумяо слыла искусной швеёй, так что Вэй Чэн надеялся на удачу.

Услышав, как дорога эта вещь, он сразу пошёл на попятную:

— Ладно, Доумяо, забудь. Не стоит.

— Да брось ты! Ты впервые о чём-то просишь. Пошли, спросим у матушки!

С тех пор как Вэй Чэн вернулся, Доумяо иногда втихомолку таскал для него варёные свиные потроха, но тот редко принимал угощение. Теперь же друг буквально вцепился в рукав юноши. Хоть он был и ниже Вэй Чэна, но сложением пошёл в отца, так что мальчику пришлось

подчиниться.

Стоило им войти во двор семьи Ма, как в нос ударил густой запах варящихся потрохов. Весь двор был затянут паром, а аромат стоял резкий и тяжёлый.

— Мама! Я вернулся! — завопил Доумяо.

Матушка Доумяо высунулась из клубов пара у огромного котла и прикрикнула:

— Глядите-ка, какой молодец! Сам пришёл, и звать не пришлось!

Увидев гостя, она осеклась:

— Ой, Чэн пришёл.

— Тётушка.

Вэй Чэн, набравшись смелости, рассказал о своей просьбе и протянул те самые шесть монет.

Женщина нахмурилась, раздумывая:

— Хочешь куртку для того найдёныша? Всего на пару дней? И куда же вы собрались?

— Для него, — кивнул Вэй Чэн. — Ненадолго. Хочу взять его с собой на гору, одного дома оставлять боязно. Он ещё кроха, работать я его не заставлю, просто пусть будет рядом для спокойствия. Я на эту куртку сверху его старую рубаху надену, чтобы не запачкать и не порвать.

— Ладно, бери.

Она забрала медяки и спрятала их в поясной мешочек, после чего вытерла руки о фартук:

— Доумяо, иди в дом. В моём сундуке, на самом верху, лежит твоё детское красное пальтишко с узором из цветов зизифуса и застежками посередине. Тащи его сюда.

— Мам, у него и так денег нет, а ты забрала... Нехорошо это, мам... — Доумяо замялся, опасливо глядя на родительницу.

Матушка Доумяо лишь взмахнула черпаком:

— Не ворчи, а делай, что сказано! Быстро!

Мальчишка подскочил как ошпаренный и припустил в дом.

— Если испачкаешь — не беда, но смотри не порви, — строго наказала женщина. — Ты парень не наглый, просто так просить не станешь, вот я и даю, потому как верю — вещь не испортишь.

— Не извольте беспокоиться, тётушка. Я за Горшочком пригляжу, куртку будем беречь пуще глаза.

Услышав, как Матушка Доумяо дорожит этой одежкой, Вэй Чэн едва снова не отказался — боялся не расплатиться, если что случится. Но стоило представить, как к одинокому Горшочку могут пробраться алчные Ваны или жестокие Вэй, как решимость вернулась. Он не позволит им снова мучить малыша.

— Mam, принёс! — Доумяо выбежал с курткой в руках.

Женщина приняла её и передала Вэй Чэну:

— Держи, парень. Забирай.

Вэй Чэн бережно принял сверток и ещё раз поблагодарил. Когда он собрался уходить, Доумяо, шмыгая носом, хотел было увязаться следом, но мать крепко схватила его за шиворот:

— Куда намылился?! А ну, разжигай огонь! Будешь учиться потроха разделять. Вырастешь — отец только забивать будет, а всё остальное на тебе останется. Нечего на него глядеть, он-то всё на твою будущую жену скинуть мечтает, а я такого не допущу!

Из дома донёсся густой бас, полный напускного возмущения:

— Да с чего ты взяла?! Всего раз попросил, и то — я же сейчас тесто для тебя мну!

— А ты помалкивай, когда я сына учу, не то я тебе все ноги переломаю! — прикрикнула она, уперев руки в бока.

Голос Мясника Ма тут же стих.

Мужчины — что старые, что малые — при слове «жена» обычно обретали невероятное рвение. Ма Доумяо, хоть ему было всего лет восемь-девять, при мысли о будущей супруге просиял. Он послушно уселся перед очагом и принялся азартно подбрасывать дрова, успев на прощание крикнуть Вэй Чэну:

— Брат Чэн, я на днях к тебе забегу!

— Договорились. Помогай матери, — улыбнулся Вэй Чэн.

Уходя, он ещё некоторое время слышал «львиный рык» Матушки Доумяо, добродушное ворчание Батюшки Доумяо и весёлую болтовню самого друга...

Он почти бежал в гору. Несмотря на мороз, мальчик весь взмок, а добравшись до тропинки к мазанке, и вовсе припустил бегом, прижимая куртку к груди. С его лица не сходила улыбка.

Теперь у него тоже был дом, и в этом доме его ждал близкий человек.

Нужно поторапливаться.

Вэй Чэн, запыхавшись, распахнул дверь и тут же услышал тихие всхлипы. Он бросил вещи и подбежал к кровати. Горшочек, закутавшись в старое одеяло, сидел с красным от слёз личиком и кулачками протирал глаза.

— Малыш, что случилось?!

Вэй Чэн подхватил его на руки и принялся нежно поглаживать по спине:

— Ну-ну, что такое? Расскажи брату.

— Бра-а-тик... — Горшочек крепко обхватил его за шею, задыхаясь от рыданий. — Ты... куда ушёл? Горшочек проснулся... а никого...

— Я ходил за тёплой курткой для тебя. Мы же собирались на гору вечером, помнишь?

Вэй Чэн ласково стёр слёзы с детского личика:

— Только не плачь. Разболеется лицо, а на горе ещё колючий ветер — совсем худо будет.

— Я думал... братик... бросил Горшочка... — кроха продолжал всхлипать, и крупные слёзы катились по его щекам.

— Ну что ты, как же я могу тебя бросить?

Вэй Чэн улыбнулся:

— Всё, вытирай слёзы. Гляди, какую обновку я раздобыл.

Придерживая одной рукой пухленького найдёныша, он другой развернул нарядную красную куртку:

— Тётушка-мясница одолжила. Наденешь её сегодня, а сверху прикроем твоей старой рубашкой. Только чур на горе не бегать, чтобы не зацепиться за ветки и не порвать, ладно?

Малыш послушно кивнул, не отрывая взгляда от яркой ткани:

— Горшочку... нравится. Красиво. Любо.

— Ишь ты, понимает в красоте! — Вэй Чэн не выдержал и легонько ущипнул его за нос. — Мал ещё, а туда же. Вырастешь — небось и впрямь будешь в шелках да серебре ходить.

Малец застеснялся и, спрятав лицо на плече брата, довольно заболтал ножками, но его чёрные глазёнки всё равно восторженно поблёскивали, глядя на одежду.

В сумерках Вэй Чэн, держа в одной руке факел, а другой ведя за собой притихшего малыша, углубился в лес.

Он боялся волков, но нищеты боялся ещё больше.

Мальчик всё уже рассчитал: даже если золотышей поймать не удастся — не беда. Будет собирать хворост и возить на базар в город, всё какая-то копейка.

— Не устал? Может, на спину подсадить? — спросил он, оглядываясь на пыхтящего сзади Горшочка.

Малыш был укутан так плотно, что даже лицо Вэй Чэн обвязал ему платком, оставив лишь щёлку для глаз.

— Не-а! — Горшочек был полон решимости. Он сжал кулачки: — Будем денежку копить! Купим мазь!

Вэй Чэн не удержался и погладил его по голове:

— Вот молодец.

Память у него была отменная, и вскоре они вышли к той самой старой липе, где он спрятал снаряжение. Снега за эти дни не прибавилось, так что он быстро расчистил ветки и выкопал из сугроба длинный плетёный земляной садок, кованую кирку и погнутую ивовую корзину.

Горшочек очень хотел помочь, но, помня наказ беречь чужую куртку, лишь сжимал кулачки и хмурил бровки, безмолвно подбадривая брата.

Вэй Чэн поднялся, сложил инструмент в короб, а Горшочек тут же склонился и принялся старательно обметать снег с его коленей и штанин.

— Глядите-ка, какой помощник растёт, — улыбнулся мальчик.

От этого малыш принялся стараться ещё пуще, да так усердно, что едва не повалил брата в сугроб. Откуда только силы взялись?

Юноша подхватил его:

— Всё-всё, довольно. Я сейчас снова в снег полезу, так что не трудись. Пошли выше.

— Ладно! — послушно отозвался тот.

Ориентируясь по старым следам, они вскоре вышли к реке, где когда-то Вэй Саньнянь рубил лёд.

Вэй Чэн помнил слова Гоу Саньши о том, что здесь сходятся два потока — вода тут живая, проточная, а значит, золотыши наверняка водятся.

В горах стоял лютый холод, дыхание Вэй Чэна, казалось, превращалось в лёд прямо в воздухе. Он воткнул факел в сугроб и потёр ладони, пытаясь согреться:

— Малыш, присядь-ка у огня.

Горшочек послушно примостился рядом с факелом и замер — тише воды, ниже травы.

Убедившись, что Горшочек не уйдёт далеко, Вэй Чэн принялся долбить лёд. После двадцатого удара по поверхности пошли трещины. Работа спорилась — видимо, потому, что лёд здесь уже прорубали недавно, и свежий слой был не таким прочным.

Ещё пара десятков ударов, и ледяная корка со звоном лопнула. Очистив полынью от осколков, мальчик опустил садок на колени и стал заводить садок в воду.

Садок этот сплела ещё Цинь-ши; ячейки у него были мелкие и частые, а длинное нутро заканчивалось узким горлышком с хитрым входом. Если лягушка заберётся внутрь, обратно хода ей не будет.

Вэй Чэн привязал один конец ловушки к крепкой ветке, аккуратно опустил садок в реку, а палку оставил на льду, чтобы потом было за что вытягивать добычу.

Шумно выдохнув, он забросал полынью толстым слоем снега. К тому времени совсем стемнело, и лишь у реки дрожало пятно света от факела. Юноша оглянулся и увидел, что Горшочек, забавно склонив голову, пристально смотрит куда-то им в спину.

— Малыш, не заглядывайся, пора домой, — сказал он, собирая инструменты.

Горшочек подбежал к нему, вцепился в руку и с сомнением спросил:

— А где... золотыши?

— Завтра утром приду проверю. Если не будет — значит, послезавтра. Пошли скорее, а завтра попытаю удачу.

Пока работал, холода не чувствовал, но стоило остановиться, как пот прошиб ледяным ознобом. Юноша вздрогнул.

— Хоть бы завтра полный садок был.

— Будет! Братик сильный, братик хороший! — убеждённо произнёс Горшочек.

Вэй Чэн невольно улыбнулся. Надо же, этот малец уже и хвалить умеет. Он погладил его по голове:

— Твои бы слова да Богу в уши.

— У хороших людей всегда денежки есть! У братика будут, и у Горшочка тоже!

Двое детей весело зашагали вниз по склону, не ведая, что за ними в снегу, припав к земле, следит тощая старая волчица. Её глаза мерцали, точно зеленые свечи, а в пасти скалились острые зубы, в которых, казалось, еще сохранились ошметки свежей плоти. Но сейчас хищница словно была скована неведомой силой: она припала передними лапами к снегу и издала тихий, страдальческий стон, тонкий, словно писк комара.

На следующий день, ещё до рассвета, Вэй Чэн тихонько оделся. Всю ночь он не мог сомкнуть глаз: то представлял, на что потратит деньги, если поймает золотышей, то с ужасом думал о том, что делать в случае неудачи. Ведь тогда придётся идти за хворостом, а брать с собой Горшочка в чашу неудобно — куртка стеснит движения. А оставить одного... вдруг злые люди проберутся в лачугу?

Эти мысли совсем извели его.

— Братик... я тоже пойду... — Горшочек, протирая глаза, неуклюже сел на кане. — Пойду...

— Поспи ещё, — Вэй Чэн пригладил его взлохмаченные волосы. — Глаза же совсем не открываются.

Малыш зевнул и вдруг пальцами раздвинул веки.

— Открыл! — пролепетал он сонным голосом.

Юноша не выдержал и улыбнулся. Пришлось одевать и его.

Чтобы не попасться на глаза односельчанам, они не стали завтракать и сразу двинулись в путь. Во второй раз дорога казалась короче, а надежда в сердце придавала сил.

Но едва они вышли к реке, Вэй Чэн замер. Сердце ушло в пятки: на снегу чётко виднелись волчьи следы! Он мгновенно прижал к себе Горшочка и со страхом огляделся. Но кругом белели лишь безмолвные сугробы, и ни одной живой души не было видно.

Малыш потянул его за рукав:

— Братик, скорее... золотыши... золотыши...

Вэй Чэн сглотнул ком страха. Крепко сжав руку малыша, он прошептал:

— Стой рядом. Сейчас вытащу садок и, что бы там ни было, бежим вниз. Не отставай.

Горшочек не понял, почему брат так испугался, но послушно кивнул.

Юноша отбросил снег и ветки и потянул за палку. Сначала ловушка шла легко, и в душе Вэй Чэна разлилась горечь; разочарование от пустой вылазки пугало его куда сильнее, чем встреча с волком.

Но вдруг садок застрял. Вэй Чэн потянул сильнее раз, другой — ни с места!

Неужели попались?!

— Малыш, иди сюда! Помоги мне потянуть за палку!

— Бегу!

Горшочек вцепился в скользкое дерево и, забавно нахмутив бровки, принялся пыхтеть и тужиться изо всех сил. Помощи от него было немного, всё на себе тащил старший брат, но вместе дело пошло.

Внезапно тяжесть исчезла, и конец садка вылетел из полынью. Дети, не удержавшись, повалились на снег.

Вэй Чэн ещё не успел прийти в себя, как услышал восторженный крик Горшочка:

— Ого! Золотыши! Сколько их там!

Сердце мальчика забило как сумасшедшее. Не теряя ни секунды, он подхватил упавшего на попу малыша, запихнул садок в короб и, схватив Горшочка на руки, во весь дух помчался прочь из леса. Он не смел перевести дух, пока не захлопнул за собой дверь мазанки. Юноша обнаружил, что взмок до нитки.

Найдёныш, чей нос покраснелся от бега, удивлённо спросил:

— Братик, а зачем... мы так бежали?

— Да просто... захотелось поскорее домой.

Он не хотел пугать малыша рассказами о волке. Да и когда тот зверь был у реки — когда они ушли или пока были там? Если бы волк был рядом, он бы наверняка не упустил добычу.

Вэй Чэн отогнал страшные мысли — сейчас его ждало куда более приятное дело.

Горшочек, пыхтя от усердия, уже пытался вытащить садок из короба. Мальчик помог ему, и едва ловушка коснулась пола, они увидели, как внутри азартно прыгают десятки живых золотышей!

— Ух ты, как много!

Горшочек присел на кордочки и, борясь с любопытством и страхом, ткнул пальчиком в сетку. Одна лягушка прыгнула, и он в испуге отпрянул, вцепившись в ногу брата.

Вэй Чэн рассмеялся:

— Не бойся, они не кусаются. Гляди, как я буду их доставать.

Малыш теперь ходил за ним хвостиком, не решаясь больше трогать сетку. Юноша взял ивовую корзину и строго наказал:

— Я буду класть их по одной, а ты приоткрывай крышку. Только смотри, чтобы не выскочили!

Горшочек посерьёзней, словно ему поручили самое ответственное дело в мире:

— Есть!

Вэй Чэн запустил руку в садок и выловил одну за лапку. Присмотревшись, он радостно вскрикнул:

— Малыш, гляди! Это самочка!

Самки были крупнее, с раздутыми брюшками. Говорили, что их жир ценится больше всего. Самцы же были мельче, а на передних лапках у них были чёрные бугорки — ни с чем не перепутаешь. Эту премудрость он подслушал у Гоу Саньши. В деревне мало кто смыслил в золотышах, и только такие пройдохи, как Гоу, околачивающиеся в городских кабаках, знали толк в добыче.

За самца давали восемьдесят монет, а за одну самку — все двести!

— Смотри, Горшочек, это — самая дорогая добыча.

Малыш сморщил носик и отодвинулся:

— У-у, уродина.

— Уродина? — Вэй Чэн продолжал выуживать золотышей. — С сегодняшнего дня и до самой весны ты сможешь съесть по две картофелины каждый день, — с радостью пообещал он.

Глаза крохи загорелись:

— Столько — это сколько?

— Будешь есть по две штуки каждый день до самой весны!

— Тогда... она не уродина. Красавица. Просто красавица!

Юноша только покачал головой. Когда всё было закончено, в корзине оказалось десять крупных самок и тридцать шесть увесистых самцов. Считать Вэй Чэн умел, но вот складывать такие большие числа было трудно. Ему пришлось долго морщить лоб, прежде чем прийти к ответу.

— Так, за одну самочку — двести монет... значит за десять... — он замолчал, сосредоточенно загибая пальцы.

Горшочек, затаив дыхание, ждал вердикта.

— Не торопи, сейчас сосчитаю, — юноша покраснел от усердия. — Одна — двести, две — четыреста... десять... это же... две тысячи монет! Малыш, мы богаты!

— А сколько это будет в картошках? — Горшочка интересовало только самое важное.

— Это столько, что хватит до самого листопада!

Малыш радостно запрыгал по комнате:

— Ура! Картошка! Много картошки!

Но сосчитать доход от тридцати шести самцов Вэй Чэн так и не смог. Помучившись, он решил:

— Давай сходим к Травнику Ци.

Позавтракав печёной картошкой и остатками каши, они заперли дом и поспешили к Травнику Ци. Семья лекаря только-только проснулась. Мо-фулан, открыв дверь, удивился:

— Чэн? Пришёл рану перевязать?

Юноша и сам об этом забыл, но кивнул. Пока тот осматривал его голову, Мо-фулан погладил Горшочка по щеке:

— Как этот малец за пару дней похорошел! Кожа белая, глаза ясные — вылитый братец-гээр.

Малыш не дичился и подставил личико под ладонь мужчины.

— Рана почти затянулась, — заключил Травник Ци. — Наложим повязку в последний раз.

— Спасибо, дядюшка, — ответил Вэй Чэн.

Когда тот потянулся за порошком, мальчик негромко спросил:

— Дядюшка, можно мне спросить совета? Вот если одна вещь стоит восемьдесят монет, а таких вещей тридцать шесть... сколько это будет?

Травник, не почуяв подвоха, ответил сразу:

— Две тысячи восемьсот восемьдесят монет. Или два ляна и восемьсот восемьдесят медяков. А тебе зачем? Решил грамоте и счёту выучиться?

Два ляна и восемьсот восемьдесят монет! Да вместе с самками это же почти пять лянов серебра! Пять лянов! Не зря их зовут золотышами! Если добавить ещё столько же, можно купить целый му земли. Тогда им с Горшочком никакой голод не будет страшен! Но землю покупать пока рано — сначала нужно одеть малыша, купить еды и справиться хозяйство. Да и Новый год на носу, подарки нужны.

Вэй Чэн, с трудом сдерживая ликование, ответил:

— Да, дядюшка. Хочу научиться считать, чтобы на базаре не обманули, когда хворост продаю.

Травник призадумался:

— Что ж, если будет время, заходи ко мне, я научу тебя кое-каким приемам счёта.

Юноша низко поклонился:

— Спасибо, дядюшка! Я буду стараться.

Мальчику было немного совестно — он знал, что Мо-фулан и Травник Ци люди честные, но о добыче умолчал. После того как Цинь-ши предала его и спрятала оберег, Вэй Чэн понял: деньги могут превратить родных людей во врагов. Счастьем лучше не хвастаться. Вот когда продаст лягушек, тогда и отблагодарит добрых людей гостинцами.

Выйдя во двор, он увидел, что Горшочек сидит у колодца и во все глаза смотрит, как рослый братец-гээр чистит зубы.

— Нам пора, Горшочек, — позвал он.

Малыш подбежал к нему и, забавно жестикулируя, пожаловался:

— Он говорит... у него во рту пахнет вкусно. А у Горшочка — нет.

— Глупости. У тебя всегда пахнет хорошо.

Хотя, правду сказать, он чистил Горшочку зубы снеговой водой только после еды, потому что малец, едва открыв глаза, требовал каши. Эту привычку придётся менять. Летом и осенью он обходился листьями ивы, а зимой приходилось жевать сушеные листья ганьба. Эти сухие листья было не так-то просто отыскать. Осенью он набрал целый мешочек, но Старуха Фан пронюхала об этом, тайком утащила почти всё, и к моменту ухода из дома Вэев запасы окончательно иссякли.

Вэй Чэн погладил его по голове:

— Теперь у нас есть денежки. Я куплю тебе и щётку, и зубной порошок, и всё-всё-всё. И куртку новую, и еды вкусной...

Услышав про еду, Горшочек просиял:

— И картошку?!

— И картошку! У тебя в голове одна картошка и осталась!

— Нет! — Горшочек обнял его за ногу и посмотрел снизу вверх. — Там еще братик есть. Братик лучше картошки, во много раз лучше!

У Вэй Чэна потеплело на душе. Он подхватил малыша на руки и зашагал к их лесной мазанке.

Весь день они держали золотышей в корыте с водой, а на следующее утро Вэй Чэн, подхватив короб, отправился к окраине деревни — ждать телегу. Для отвода глаз он набил короб сеном, а сверху навалил веток. В руках он тоже нёс охапку хвороста. Топора у него не было, так что пришлось собирать в лесу валежник и рубить его киркой — намаялся он порядком.

В деревне было всего два извозчика: один — из семьи Старосты, а другой — Старик Чэнь. Его корова для пахоты уже не годилась, вот он и возил людей в город. Плата была — один медяк в конец. Когда они подошли к телеге, там уже сидело несколько человек. Старик Чэнь глянул на них:

— Едете?

— Едем, — кивнул Вэй Чэн.

Он только хотел посадить Горшочка, как сзади раздался крик:

— Погодите! Нас подождите!

Старик Чэнь недовольно крякнул:

— Мест нет! Завтра раньше приходите!

Вэй Чэн устроился поудобнее, прижав к себе вязанку дров. Глянув вниз, он увидел Цюаньцзы с матерью. Цюаньцзы мазнул по нему взглядом, затем быстро глянул на повозку и тут же отвернулся, делая вид, что ничего не замечает.

— Послушай, Старик Чэнь! — запыхавшись, крикнула мать Цюаньцзы. — Ты бы хоть проверил, есть ли у этого оборванца медяк в кармане! Если он дрова не продаст, ты зазря его провезёшь! А мы с сыном — люди справные, за всё платим!

Тот с сомнением покосился на Вэй Чэна. Юноша, не меняясь в лице, достал две монеты.

— У меня как раз осталось на дорогу туда. Обрато дойдём пешком.

Он знал, что покупок будет много, так что возвращаться на виду у всех нельзя. Да и о серебре никто знать не должен. Извозчик спрятал деньги за пазуху и взмахнул кнутом:

— Трогай!

Телегу трясло и качало, и через полчаса они въехали в город. Горшочек впервые видел такие улицы, толпы народа и бесчисленные лавки. Он во все глаза смотрел на этот шумный мир, но от страха не выпускал руку брата.

— Не бойся, держись за меня, — прошептал Вэй Чэн.

Он и сам чувствовал себя не в своей тарелке в этом бурлящем море людей. Но он был старшим и не имел права показывать слабость. Держась поодаль от односельчан, они не спешили в аптеку, а медленно шли по главной улице, изображая уличных торговцев.

Миновав несколько лавок, они замерли. В одной мастер лепил из сахара фигурки зверей — свинки, обезьянки и кролики выглядели как живые. В другой продавали танхулу — алые ягоды на палочках блестели на солнце, точно драгоценные камни. Слой сахарной глазури нежно жемчужно поблескивал на солнце — загляденье! От них доносился такой дурманящий сладко-

кислый аромат, что слюнки текли. А в следующей палатке торговали горячими паровыми пирожными — красными, жёлтыми, белыми, посыпанными орешками. Запах риса и жареных зёрен был таким густым, что дети невольно замедлили шаг.

— Горшочек, чего тебе хочется? — спросил Вэй Чэн.

Малыш сглотнул слюну и спрятал руки за спину:

— Ничего... купим картошки.

Вэй Чэн осмотрелся и прошептал:

— Выбери что-нибудь одно. А когда продадим золотышей, купим всё остальное.

— Правда? — глаза малыша расширились.

— Честное слово.

Горшочек ткнул пальчиком в сторону танхулу:

— Хочу... это.

— Купим.

Вэй Чэн сначала присмотрелся, как другие расплачиваются, и лишь потом спросил цену. Оказалось — три монеты за штуку или пять — за две. Подумав, он отдал деньги:

— Давайте две.

Торговец довольно улыбнулся:

— Выбирайте любые.

Вэй Чэн приподнял Горшочка, и тот, долго примериваясь, ловко вытянул из охапки сена две самые крупные палочки с блестящей глазурью. Продавец аж крякнул от удивления — он специально спрятал самые лучшие в самую гущу, чтобы приберечь для своих детей. Но этот малец оказался на редкость глазастым.

Отойдя в сторонку, Вэй Чэн отдал обе сладости Горшочку — сам он был нагружен дровами.

— Почему не ешь? — спросил он через минуту.

Горшочек довольно жмурился, вдыхая аромат:

— Хочу... с братиком. Вместе вкуснее.

— Ты сначала попробуй. Если невкусно — вернёмся и отберём деньги, — пошутил Вэй Чэн.

Малыш не выдержал. Он осторожно лизнул сахарную корку:

— Сладко!

Затем он добрался до самой ягоды, и его личико забавно сморщилось.

— Кисло!

Вэй Чэн едва сдерживал смех.

— А ну-ка, дай я попробую твою вторую?

Горшочек протянул ему палочку. Брат откусил кусочек и воскликнул:

— А вот эта — совсем сладкая!

— Правда? — удивился малыш.

— Конечно. Я больше люблю кислые, так что ты ешь сладкую, а я — свою.

Горшочек просиял и принялся уплетать угощение. Вэй Чэн не знал, какая аптека лучше, но он был смыслённым малым. По дороге он заговаривал с прохожими — мол, сам сирота, дрова продаю, чтобы бабушке на лекарство наскрести, боюсь только, как бы в аптеке не обманули. Добрые люди охотно подсказывали: одни хвалили честных хозяев, другие предостерегали от жадных выжиг. Так он узнал про «Зал Цзиминь». Расспросив дорогу, он привёл Горшочка к небольшой аптеке, откуда доносился густой запах трав. Посетителей было немного. За прилавком сидел подмастерье и что-то зубрил по книге.

— Вам лекарство или к врачу? — вежливо спросил он, подходя к детям.

Вэй Чэн огляделся и понизил голос:

— Я принёс товар. Не знаю, берёте ли вы такое.

Парень окинул его взглядом:

— Травы? Показывай.

— Нет, не травы. Я принёс золотышей.

Подмастерье округлил глаза, быстро глянул по сторонам и шепнул:

— Идите за мной.

Вэй Чэн, крепко сжимая руку Горшочка, прошёл за занавеску. Там была небольшая приёмная с тяжёлыми деревянными креслами.

— Обождите здесь. Наставница! Наставница, идите скорее!

Вскоре дверь отворилась, и вошла молодая женщина лет двадцати пяти в сером халате. Это была Молодая хозяйка заведения, Лекарь Чжун. Она взглянула на шрам на лбу Вэй Чэна, затем на чумазое лицо Горшочка и едва заметно улыбнулась.

— Дети больны?

— Нет, — шепнул юноша ей на ухо. — Мы принесли товар.

Лекарь Чжун оживилась:

— Показывай!

Вэй Чэн отбросил ветки и достал из короба тяжёлую корзину. Хозяйка заглянула внутрь и ахнула:

— Хороши! Редкая чистота.

Она перевела взгляд с Вэй Чэна на Горшочка, который всё ещё сжимал в руках палочку от танхулу.

— Где же ваши взрослые? Товар дорогой, боюсь, не сообразите в цене.

— Отец нездоров, — соврал Вэй Чэн. — Вы берёте? Если нет...

— Беру, конечно! — перебила она. — Восемьдесят за самца, двести за самку. Знаешь об этом?

— Знаю. Десять самок и тридцать шесть самцов. Итого — четыре ляна и восемьсот восемьдесят монет.

— А ты хваткий, считать умеешь, — похвалила Лекарь Чжун. — Выдай им четыре ляна и девятьсот монет.

Вэй Чэн удивлённо вскинул брови — лишние двадцать монет?

— Я не спрашиваю, где вы их взяли, — пояснила хозяйка. — Сейчас на них большой спрос, к тому же золотыши входят в список зимних подношений для императорского двора. Если будет ещё — неси мне. Дам тебе честную цену, а если товар будет ещё лучше — накину сверху.

Вэй Чэн вежливо пообещал передать её слова «отцу». Пока подмастерье ходил за деньгами, Лекарь Чжун рассказала, что эти золотыши — деликатес для столичной знати, они дарят долголетие и красоту, а зимние — самые ценные из-за особого жира. Напоследок она наказала не ловить мелких лягушек и беречь реку.

Выйдя из аптеки, Вэй Чэн крепко прижал руку к животу и нахмурился, словно от боли. На самом деле он просто боялся привлечь внимание — за пазухой у него лежало целое состояние. Серебро он спрятал в потайной кошель, а четыре сотни медяков сложил в короб. Несколько монет он дал Горшочку. Тот тоже был не свой от волнения. Когда он спросил, сколько это — пять лянов, Лекарь Чжун со смехом ответила, что на это можно купить несколько телег танхулу.

— Пирожки! Горячие пирожки! С мясом по три, с овощами — по две! — раздавалось из лавки неподалёку.

Вэй Чэн взглянул на Горшочка:

— Проголодался? Хочешь пирожков?

Заметив, что у прилавка толпится народ, он шепнул:

— Иди, купи сколько влезет. Не бойся!

Горшочек оробел, но, увидев ободряющий взгляд брата, всё же подошёл к лавке. Встав на цыпочки, он вытянул один палец:

— Мне...

— Один пирожок, малыш? — прищурился торговец.

— Нет! — Горшочек набрал побольше воздуха. — Мне десять!

Теперь, когда у них были деньги, он купит целых десять штук: пять с мясом и пять с овощами! О том, чтобы выбросить хоть один, не могло быть и речи!

<http://bllate.org/book/15346/1372669>